

оправдываться перед руководством Приказа Казанского дворца, почему на ящике с воеводскими отписками, привезенными ими из Сибири, сорвана «государева печать», «в допросе сказали: как де они посланы ис Томского с отписки, и на дороге де их, от Устюга Великого на Сухоне реке, промеж Копыловым и меж Юрменги, розбили розбойники, и у ящика де государеву печать, в котором были ис Томского отписки, оторвали. А отписок ис того ящика ничево не взяли – толко в ящик посмотрели, да и назад отдали им, Федору с товарищи» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 49. Л. 114–114об.).

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Д. 289–290. О младшем брате князя Федора – Семене Андреевиче Шелешпанском – в «ссылочных столбцах» сведений нами не обнаружено.

⁵² Там же. Л. 289 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 206. Л. 190. Г.О. Плещеев-Подрез ссылался «за воровство» в Томск, а И.Л. Плещеев – «за многое воровство и за воровство» в Мангазею. Вместо обычного для ссыльных конвоя – сибирских служилых людей, возвращавшихся из столицы к местам проживания, Плещеевых, как особо опасных преступников, сопровождали «московские пристава», «в прибавку» к которым указано было давать «от города до города» дополнительную охрану – по 5 человек к каждому. Григория и Ивашку (последний называется «полуимяцем») везли в ссылку «на розных судах» с запрещением «вместе сходитца», чтобы между собой «розговаривать ... ни о чом отнюдь не давать». Следует отметить, что Ивашко Плещеев, как и вышеупомянутый Я.О. Тухачевский, ссылался в Сибирь за свой счет – положенного ссылавшимся «на житье» поденного корма «государь давать не указал потому, что у отца его, у Левки, поместья и вотчины и животы не отняты» (Там же. Л. 166–221).

Д.А. Редин

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЕВ («ИЗЪЯСНЕНИЯ» 1763 г.)

Изучение экономической политики самодержавия во второй половине XVIII в. всегда представляло большой интерес для понимания общего состояния России в данный период. Самым длительным и насыщенным событиями царствованием этого времени было царствование Екатерины II. С некоторыми оговорками вторую половину XVIII в. можно отождествлять с екатерининской эпохой. Общеизвестно, что начало екатерининской эпохи ознаменовалось попыткой проведения широкомасштабных реформ, заявленных в духе идей европейских философов-рационалистов. Среди важнейших задач преобразований неизменно деклари-

ровалось формирование новых принципов экономической политики.

Реформаторские замыслы императрицы, их теоретическая основа, соотношение планов и реальных действий, наконец, степень искренности намерений Екатерины II в проведении этих реформ, постоянно находились в поле зрения историков и получали различную, порой прямо противоположную трактовку. В зависимости от состояния источниковой базы, целеполаганий, методологических позиций авторов, эти трактовки, надо думать, будут еще не раз меняться и корректироваться. Тем ценнее для нас свидетельства современников и непосредственных участников событий, а, применимо к теме, заявленной в заглавии статьи, людей, напрямую занятых производственной и предпринимательской деятельностью в годы царствования Екатерины Великой.

Своеобразной отправной точкой в реформаторской деятельности монархини можно считать мероприятия 1763 г., преследовавшие цель ознакомления с состоянием государственных дел в империи. «Для решения ряда насущных вопросов, – пишет современный российский историк А.Б. Каменский, – она создала ряд комиссий из высших сановников, которым было поручено, изучив соответствующие проблемы, представить императрице свои предложения»¹. Состояние дел в российской промышленности и торговле стало предметом рассмотрения своеобразной межведомственной комиссии Берг- и Мануфактур-коллегий и Главного магистрата. Перечисленным учреждениям следовало собрать с купцов, фабрикантов и заводчиков подробные сведения о «тягостях», которые последние испытывали в своей деятельности, и на основании полученных сведений принять меры, направленные к процветанию отечественной коммерции. В результате этой правительственной инициативы, некоторые предприниматели действительно направили в Петербург свои пожелания и просьбы, получившие общее наименование «изъяснений».

На сегодняшний день известно одиннадцать «изъяснений» 1763 г., принадлежавших перу заводовладельцев. Подлинники этих документов отложились в РГАДА, в фонде Берг-коллегии. Самую общую характеристику этих источников дал в свое время Н.И. Павленко. Он указал на их информационную неравноценность, отметив те из них, которые «и по форме, и по существу напоминают обычные челобитные», авторов которых «мало интересуют общие перспективы развития металлургии»; и те, в которых оказались подняты «такие общие вопросы, как налоговая политика правительства, обеспечение предприятий рабочей силой, горное законодательство, сбыт изделий и т.д.»². К последним относились четыре «изъяснения», авторами которых были крупнейшие уральские промышленники. К сожалению, историк не стал подробно останавлива-

ться на содержании этих документов; между тем, они требуют специального рассмотрения. Означенные бумаги вышли из канцелярий Н.А. Демидова, А.Ф. Турчанинова, И.Б. Твердышева, а также Александра, Петра и Павла Григорьевичей Демидовых³. Все перечисленные предприниматели без преувеличения могут быть отнесены к элите российского капитала XVIII в. Из 122-х металлургических предприятий, действовавших на Урале к этому времени, на их долю приходилось 34, т.е. около трети⁴. Объем их «изъяснений», широта подхода и точность оценок наиболее важных аспектов развития промышленности, компетентность в вопросах производства и торговли, делают эти документы представительными и информативно емкими источниками⁵.

Как же относились уральские магнаты к экономической политике государства? Исходя из текстов документов можно уверенно констатировать, что все основные законодательные акты 1750 – начала 1760-х гг., относившиеся к крупной металлургии, были оценены ими крайне негативно. Особенно единодушного неприятия заслужила налоговая практика короны. Н.А. Демидов, А.Ф. Турчанинов и И.Б. Твердышев посвятили этому вопросу специальные параграфы своих «изъяснений».

Очевидно, готовя документы к отправке в Берг-коллегию, заводчики консультировались друг с другом по наиболее принципиальным позициям. Примечательно, что самое теснейшее взаимодействие существовало, судя по всему, между Н.А. Демидовым и А.Ф. Турчаниновым. Их «изъяснения» роднит не только общая логика доказательств и стилистика изложения: параграфы, посвященные критике налоговой системы совпадают текстуально*.

Оба автора подвергают подробному рассмотрению эволюцию налогообложения промышленности с середины 1730-х гг., убедительно доказывая, что за этот тридцатилетний период бремя платежей возрастало, вредя производству и противореча предшествующему (и формально не отмененному) законодательству. Отправным пунктом их рассуждений стал указ 1762 г., предписавший собирать десятину с железных заводов натурой и деньгами, со всех сортов железа и железных изделий⁶. Невыгодность такого порядка налогообложения для производителя была очевидной. Промышленнику приходилось платить десятину, по сути, несколько раз в год: за чугун (как исходный продукт производства), за железо разных сортов, сделанное из того же чугуна и, наконец, за изделия, изготовленные из железа. Такая схема расчета с казной была не

* Пункт «о десятине и о пошлинах з железных и медных заводов» в «изъяснении» Н.А. Демидова находится под № 4, а у А.Ф. Турчанинова – под № 2.

только убыточна для заводчиков, но сводила на нет основополагающие статьи Берг-привилегии и Берг-регламента, декларировавших взимание десятины только от «той прибыли... которую из земли получать будут», – считали промышленники⁷.

Конечно, порядок взимания десятины по системе указа 1762 г. был настолько одиозен, что этого не могло не заметить и само правительство. Понуждаемая жалобами заводсодержателей, Берг-коллегия сделала представление в Сенат и предложила унифицировать прямое налогообложение, заменив платежи деньгами и натурой с различных предметов производства железоделательных заводов единым сбором 4-х копеек с каждого пуда выплавленного чугуна. Кажущаяся уступка не могла обмануть хозяев мануфактур. Несмотря на то, что новый порядок сбора десятины был предпочтительнее установленного в 1762 г., он в скрытой форме все-таки продолжал ущемлять интересы заводчиков.

Во-первых, по мнению Демидова и Турчанинова, десятина в 4 коп. с пуда чугуна была высока сама по себе, ибо «такою ценою десятой, к отдаче в казну следующей, пуд чугуна придет в сорок копеек, а сия несносная цена штыковому чугуну... жестоко отяготительна», так как при переделе чугуна в железо около трети от его массы приходится на угар⁸. Платя по 4 коп. с пуда чугуна, заводчики, по этой логике, оплачивали значительное число угара. Если же к расходам на изготовление железа добавить средства, затраченные на уголь и другие расходы, то, как уверяли авторы, себестоимость пуда железа составляла 40 коп., т.е. равнялась той же сумме, которую по новому положению следовало платить за каждый десятый пуд сырого чугуна, что, по мысли промышленников, было «несосно».

Однако же не только сам по себе порядок взимания десятинного сбора с сырого металла вызвал возмущение заводчиков. Вводя четырехкопеечный десятинный сбор, правительство, по сути, блокировало нормы Берг-привилегии, Берг-регламента и именной резолюции 1736 г., согласно которым ставка десятинного сбора не превышала 1,5 коп. с пуда чугуна или, выражаясь в манере заводовладельцев, оценивала десятый пуд в 15 коп. Даже с учетом того, что Берг-регламент помимо умеренной десятины предусматривал сбор 2 коп. с каждого пуда железа (т.н. «двухкопеечная пошлина»), *общая сумма налога* (здесь и далее курсив мой. – Д.Р.) достигала лишь 3,5 коп. с пуда. Иных прямых платежей прежнее законодательство в данном случае не предусматривало. Поэтому, когда в 1763 г. до заводовладельцев дошло намерение правительства поднять (под видом упорядочения налоговой системы) одну только десятину до 4 коп. с пуда чугуна, они не стали скрывать своего

негодования. Это намерение (воплощенное, кстати сказать, годом позже, в 1764 г.) было тем более тревожным, что реально и ко времени составления «изъяснений» десятина уже превышала ставку в 1,5 коп.; равным образом фактически возросла ставка «двухкопеешной пошрины», хотя последнее решение оказалось более завуалированным и реализовывалось через установление новых размеров внешнеторговых сборов. Н.А. Демидов и А.Ф. Турчанинов подробно описали в своих «изъяснениях» и этот скрытый механизм усиления фискального бремени.

По их сообщению, они платили полторакопеечную десятину и двухкопеечную пошину до 1754 г. В апреле 1754 г. на свет появился сенатский указ, касавшийся вопроса налогообложения с экспортной продажи металла⁹. Вместо уплаты 3,5 коп. за пуд черного металла (считая десятину и пошину), указ предписывал взимать вместо первой – по 2 коп. с пуда железа и 30 коп. с пуда меди, а вместо второй – по 13 коп. с платежного рубля. Подчеркну, что нововведение касалось металлов и металлоизделий, предназначенных для отпуска за границу. Они сами по себе еще не вводили новых ставок прямого обложения всей металлопродукции. Но крупные заводовладельцы, отправлявшие значительную часть своего товара «за море», несомненно, оказались в весьма трудном положении. «...Которые малые заводчики к портам своих металлов не ставят, – писали в 1763 г. Демидов и Турчанинов, – а продают внутри государства, те чрезвычайно много облежены. А которые заводсодержатели ставят свое железо и медь к портам, те надмерно отягощены так, что им несносно свои металлы за море продавать...»¹⁰. Желая уйти от лишних расходов, хозяева крупных мануфактур стали сокращать металлоэкспорт (особенно это касалось меди) и довели его до минимума, что заставило власти в 1762 г. отменить пошрины 1754 г.^{*} «для того... что медь с того 1754 года почти вовсе за море не отпускалось, а ставлена заводчиками на денежный передел в казну»¹¹. Однако же, на правах хозяина положения, в том же 1762 г. правительство установило новую схему взимания налога (и с сырого металла, и с железа, и с изделий, о чем говорилось выше), а когда и она не оправдала себя, пошло на элементарное повышение ставки десятины до 4 коп. за пуд чугуна. Все эти метаморфозы, продиктованные единственным стремлением в короткие сроки резко увеличить суммы казенных поступлений, мало учитывали интересы производства. По мнению уральских промышленников, государство должно было прекратить налоговые эксперименты и вернуться

^{*} Впрочем, 13-копеечная пошлина оставалась в силе и после 1762 г., на что более подробно обратил внимание в своем «изъяснении» И.Б. Твердышев.

к нормам, установленным Берг-регламентом, тем более, что формально их никто не отменял¹².

В оценке налогового политики короны был солидарен со своими сотоварищами и И.Б. Твердышев. Но если Н.А. Демидов и А.Ф. Турчанинов пытались доказать неправомотность действий государства с помощью анализа налогового законодательства, то южноуральский магнат избрал другую систему доказательств. Его «изъяснение», отличавшееся самым солидным объемом, строилось на сравнении условий работы металлургического производства в Швеции и в России. Объясняя более цветущее состояние шведской промышленности по отношению к отечественной, Иван Борисович, среди прочего, подчеркивал то, что шведские заводчики, не в пример русским, не испытывают непосильного налогового бремени, ибо «платят в казну з железа толко десятую часть от прибытка». Между прочим, замечал он, такие же порядки были и в России и гарантировались Берг-привилегией «за собственноручным подписанием блаженные памяти государя императора Петра Перваго». Однако же «по нынешнему новому положению» все преимущества заводовладельцев оказались фактически утрачены. Скрупулезно подсчитав, во что обходится заводовладельцу пуд железа и пуд меди с учетом только трат на прямые и косвенные налоги*, Твердышев показал, что лишь на железе российский предприниматель несет убытков от 20 до 30 коп. с рубля по сравнению со шведами. Особенное возмущение заводчика вызвал указ от 8 апреля 1757 г.¹³, заставлявший частных лиц продавать медь за границу только за ефимки, с обязательной сдачей последних в казну по фиксированной цене под угрозой полной конфискации выручки. Если Демидовы, владевшие главным образом железоделательными заводами, были не слишком озабочены этим указом, то Твердышев, чье производство являлось почти исключительно медеплавильным, непосредственно и весьма болезненно ощущал его вредное влияние. Прекрасно разбираясь в экономической практике, И.Б. Твердышев очень точно угадал спекулятивный характер указа и причины, его породившие. «К тому ж и сие в разсуждение быть принадлежательно, – мрачно констатировал заводчик, – что когда упокойный граф Петр Иванович Шувалов проектами своими о умножении делания медных денег представлял, что, чаятельно, *для политического резону*, дабы на то дело прием меди от заводчиков в казну умножить было можно, *не чиня запрещения о выпуске в продажу за море*, однако ж бы оной выпуск за море невозможным зделать...».¹⁴

* И.Б. Твердышев учел даже сборы, взимаемые с заводовладельцев на содержание Ладожского канала.

Установленная государством закупочная цена монетного серебра – 19,5 коп. за золотник – приводила к тому, что заводовладельцы получали за каждый ефимок, сданный в казну, приблизительно 1 руб. 15 коп., в то время как его рыночный курс не опускался ниже 1 руб. 35 коп. Теряя, как минимум, по 20 коп. с каждого ефимка, промышленник терпел серьезные убытки¹⁵. А.Ф. Турчанинов, в силу сходной специализации хозяйства, тоже не обошел критикой «ефимочную» торговлю, заявив, что «если сие отягощение... принуждением продавать на одни ефимки не отменитца, то и совсем медные заводы в упадок и разорение приходить могут».¹⁶

Как Н.А. Демидов и А.Ф. Турчанинов, И.Б. Твердышев тоже видел единственный выход в решении проблем с налогами: возвращение к точному соблюдению норм Берг-регламента. Однако в своих перспективных планах южноуральский предприниматель оказался даже более радикален. В идеале ему виделась меньшая, даже в сравнении с берг-регламентской, ставка десятинного налога. Кроме того, по его мнению, было бы справедливым, а равно бесполезным и для казны, собирать десятину не ежегодно, а раз в полтора года. Медленный оборот капитала, годовой цикл производства и высокая ставка налога приводили, в конечном итоге, к хроническому росту недоимок. Поэтому, по мысли Твердышева, собираемая каждые полтора года умеренная десятина приносила бы казне гарантированный реальный доход и избавляла бы заводчиков от непосильного бремени. Форма уплаты десятины, считал Твердышев, тоже должна быть изменена, а точнее, отдана на усмотрение заводсодержателей. Именно они должны иметь право выбора: платить им десятину деньгами или полосовым железом, сдаваемым на ближайшие казенные пристани за твердо установленную цену: 45 коп. за пуд¹⁷. Если предложение новых форм и сроков расчета за десятину носит в «изъяснении» И.Б. Твердышева рекомендательный характер, и по всему видно, что он, подобно Н.А. Демидову и А.Ф. Турчанинову, удовлетворился бы простым снижением ставки десятины до уровня, определенного Берг-регламентом, то в отношении ряда других платежей заводчик категоричен. «От двухпроцентного платежа и с отпуску при портах от внутренних тринадцатикопеешных пошлин совсем уволить, и от продажи на ефимки меди освободить по тому резону, как указом 1736-го года и Берг-регламентом... та пошлина приложена была к десятине, и сверх той десятины таможенных пошлин брано уже не было. Также и медь продавалась не на ефимки, но как и на что случай предастся...», – писал Твердышев¹⁸.

Не меньшее раздражение у заводовладельцев вызывали и раз-

личные принудительные казенные поставки. По источникам и литературе известна тяжба, которую несколько десятилетий вели с казенными учреждениями Демидовы – потомки Акинфия Никитича, стремившиеся освободиться от необходимости производить железо и различные изделия для нужд Адмиралтейства и Артиллерии. В «изъяснении» 1763 г. Н.А. Демидов вновь поднимал этот вопрос, ставя его на первое место. Содержатель Нижнетагильских заводов заявлял, что принудительные поставки «припасов» в интересах указанных ведомств «несносны» для его предприятий по трем причинам. Во-первых, потому, что за «многие поставляемые по принуждению... железные и медные припасы плата весьма малая и крайне обидная... производитца...». Во-вторых, потому, что, помимо нарядов в Адмиралтейство и канцелярию Артиллерии, на его заводы раскладывают заказы других казенных мест. Это происходит, по мнению Н.А. Демидова, якобы оттого, что Берг-коллегия неизвестно, что его предприятия и так уже ежегодно поставляют продукцию для нужд армии и флота*. В третьих, потому, что даже те скромные деньги, которые он должен был получать за казенные поставки, выдаются заказчиками с большими задержками, отчего «экономия заводов... претерпевает несносную тягость», а сам заводчик «по необходимости принужден деньги занимать ис процентов»¹⁹. Аналогичная жалоба читается в «изъяснении» Григорьевичей – племянников Н.А. Демидова, владельцев так называемой «Ревдинской части». Традиционно действуя в тесном союзе с дядей (когда речь шла об общих интересах), а в данном случае, вероятно, и с А.Ф. Турчаниновым, Григорьевичи половину своего «изъяснения» посвятили проблеме казенных поставок, оставя ходатайство по остальным важным вопросам своим старшим и более опытным союзникам²⁰. Надеюсь, что на сей раз им, наконец, удастся избавиться от казенных обязательств, Демидовы не жалеют красок. Особенную досаду этих заводчиков вызывало то, что, в силу обстоятельств, принудительные поставки в Адмиралтейство и Артиллерийскую канцелярию касались только их предприятий, «минуя не только всех прочих заводчиков, но и одной с нами фамилии (детей статского советника Никиты Никитина сына Демидова), да и всех тех, которые себе прибыточные заводы готовы ис казны со всеми мастеровыми и работными людьми получили. И

* Конечно, Берг-коллегия все было прекрасно известно (равно как и сам Н.А. Демидов не был так наивен). Противопоставляя «несведующую» Берг-коллегию «самовольному» Адмиралтейству, заводчик пытался достичь разногласий между двумя ведомствами, показывая готовность подчиняться воле своего отраслевого начальства взамен освобождения от претензий «чужаков».

так мы одни, Акинфиевы дети, претерпеваем пред всеми несносную тягость и истощение наших заводов...»²¹.

Описывая свои горести, Н.А. Демидов настолько увлекся, что, читая его сочинение, может сложиться впечатление, будто груз принудительных поставок вообще лежал исключительно на его предприятиях и заводах его племянников. Между тем, на протяжении длительного времени эта проблема была характерна в той или иной степени для всех промышленников. В частности, А.Ф. Турчанинов и И.Б. Твердышев в своих «изъяснениях» тоже поднимают аналогичную тему. Принуждая поставлять по заниженным (в сравнении с рыночными), строго установленным ценам кровельное и луженое фляжное железо, государство, по свидетельству заводчиков, не учитывало ни производственные мощности частных заводов, ни профессиональную подготовку мастеровых, работавших на них. Недовольство промышленников низкими ценами казенных нарядов усугублялось тем, что им, как и Демидовым, трудно было потом получить положенную плату за выполненные заказы. Государственные инстанции постоянно задерживали выплаты, отговариваясь неимением денег и большим процентом брака среди поставленных изделий. Кстати говоря, наличие бракованной продукции И.Б. Твердышев не без основания относил на счет самой практики принудительных заказов. Получая распоряжение изготовить в сжатые сроки партию продукции, не выпускаемой обычно на конкретном предприятии (луженое железо, например), промышленник поручал работу неподготовленным к ней мастерам, что предreshало низкое качество произведенного²². Все заводовладельцы, подавшие «изъяснения», просили Берг-коллегию отменить практику принудительных казенных поставок. Но если Демидовы ограничивались этим, то Турчанинов и Твердышев еще и предлагали возможный вариант сотрудничества. Так, первый, признавая потребности государства в каких-либо специальных изделиях, не выпускаемых в обычном порядке на частных заводах, рекомендовал «всякия поделки разполагать на заводчиков... уравнительно...», но при этом платить за работу по «настоящим ценам» и «безволокитно». В том случае, если заказчик оказывался неспособным в течение месяца принять продукцию и расплатиться за нее, у промышленника должно было быть право продать «те вещи по волной цене» и «кому похощет»²³. Нетрудно заметить, что предложение А.Ф. Турчанинова воскрешало прочно «забытую» правительством норму Берг-привилегии²⁴. И.Б. Твердышев тоже отстаивал идею рыночного характера отношений с государством в этом вопросе. Заинтересованные ведомства, по мысли предпринимателя, должны были заблаговременно объявлять о своих потребностях в той или

иной продукции. В этом случае кто-нибудь из заводчиков по собственному желанию мог бы без спешки взять подряд на себя, оговорив с заказчиком взаимоприемлемую цену и предоставив гарантии качества продукции²⁵.

Протестуя против налоговой политики властей и системы принудительного государственного заказа, заводовладельцы так или иначе поднимали еще одну важную проблему – нехватку наличных средств и медленный товарно-денежный оборот. Не случайно среди претензий к государству предприниматели неизменно выдвигали задержки в денежных расчетах. В конце концов эта тема оформилась в идею создания казенного заводского банка, высказанную в «изъяснениях». Примечательно, что инициатива создания такого банка исходила от крупных промышленников, заботившихся, в первую очередь, о кредитной поддержке экспортной торговли как наиболее верного источника получения прибыли и финансирования производства.

А.Ф. Турчанинов, посвятив первый пункт своего «изъяснения» именно этому вопросу, построил обоснование необходимости учреждения такого банка на том, что медленный оборот капиталов делает русский металлоэкспорт неконкурентоспособным на международном рынке. «Ныне англичана покупают у российских заводсодержателей железо за такую нискую цену, какую они постановить захотят, с крайним отягощением для российских заводчиков», – писал Турчанинов. Но ситуация могла бы измениться к лучшему, «если будет учрежден казенной банк единственно только для отпускаемого железа и меди». Тогда каждый заводчик, – развивал мысль Турчанинов, – «когда не найдет авантажной цены продать свои металлы за море, представит свое железа или медь в заклад банку, и ис того банка все денги по установленной цене, или хотя половинную сумму с платежом процентов получит на содержание своих заводов, и с тем избавится от притеснения аглицких купцов к унижению цены»²⁶. Промышленник, правда, не пояснял, за счет каких средств должен функционировать банк и каковы будут условия расчета между банком и его клиентами. Увлечшись рассуждениями о бедах российских предпринимателей, обираемых англичанами, медленном торговом обороте и нехватке наличности, он незаметно перешел к критике высоких портовых пошлин и «ефимочной» торговли, которые досаждали ему не меньше англичан. В праведном гнев Турчанинов забыл о том, что озаглавил свой пункт «О учреждении заводского банка» и большую его половину посвятил жалобам на «тягости», происходящие от государственной политики.

Спокойнее, а потому и обоснованней, излагал свои соображения

по поводу работы предполагаемого банка Н.А. Демидов. Он был солидарен с мыслью Турчанинова о том, что недостаток денежных средств заставляет российских производителей подчиняться ценам, диктуемым на внешнем рынке иностранными купцами. Первыми жертвами низких цен становятся «недостаточные» заводчики, которые, в стремлении поскорее сбыть свой товар и покрыть расходы, соглашались на заниженные расценки, поддерживая тем самым демпинг, делая «крайнее раззорение и подрыв товарным болшим стаям», привозимым в порты даже «капиталистами» промышленниками. Создание заводского банка могло бы в корне изменить ситуацию. Подобно Турчанинову, Н.А. Демидов предлагал в качестве залога под ссуду металл, нераспроданный на внешнем рынке. Для обеспечения банка Демидов советовал отчеканить из меди, поставляемой в казну теми же заводчиками, «довольную сумму денег». Заложив по установленной цене свои железо и медь в банк, промышленник к определенному сроку должен был погасить ссуду. По мысли Демидова, заводсодержатель мог рассчитаться с банком по ссуде и до положенного срока в том случае, если ему удастся найти покупателя на заложенную продукцию. Судя по всему, автор предполагал ссудную операцию беспроцентной. Во всяком случае, в «изъяснении» об этом речи не велось²⁷.

Самым подробным планом по работе заводского банка делился в своем «изъяснении» И.Б. Твердышев. По его мнению, начальный капитал банка должен был равняться 1–2 млн руб. «из медных денег». Заводчики, имевшие крепостных, могли отдавать их под залог, «считая на каждую душу по дватцать рублей» под 4% годовых. Не отвергал Твердышев в качестве банковского залога и остающиеся при портах нереализованные металлы. Ссуда под них тоже мыслилась процентной, но механизм расчета предлагался иной. Товар, предоставляемый к закладу, не поступал непосредственно в банк, а попадал под таможенный секвестр (лишался права вывоза). Таможенные чиновники сообщали о наличии такого товара в банк, а последний ссужал владельцев деньгами в размере 75–50% от общей рыночной стоимости секвестированного. После этого заводчик мог спокойно искать выгодного покупателя на задержанный таким образом металл, а найдя – осуществить сделку с ним. Деньги, полученные им в ссуду, взимались по полной сумме на таможене при отпуске товара за границу и возвращались в банк²⁸.

Наконец, еще одной общей проблемой для всех авторов «изъяснений» стал вопрос о разграничении лесов и рудников. Отсутствие права частной собственности на леса и недра и полная воля «казенных мест» в решении прошений об отводах земли и леса порождали бесконечные конфликты между заводовладельцами. Интересно, что ни один из них

в своих «изъяснениях» не поднялся до постановки вопроса о передаче указанной недвижимости в частную собственность. Как Н.А. Демидов, так и И.Б. Твердышев лишь изложили традиционную просьбу: горным властям следовало окончательно и «наикрепчайше» подтвердить их владельческие права на эксплуатацию отведенных под заводы территорий на длительный (столетний) срок и запретить вторгаться туда посторонним. Только у А.Ф. Турчанинова прозвучало что-то вроде требования о признании за отведенными территориями статуса бессрочного наследственного владения: «...ко всем заводам земли со всеми к ним угодьями, по силе заводских действий... для того и ограничены, чтобы во оныя грани другия посторонния... вступать не могли... потому что уже где завод заведен... то в прочное учреждение того завода нужно, чтоб оной завод мог быть прочен *не только тому одному заводчику, которой завел, но и по нем потомкам ево... продолжится мог в роды родов...*»²⁹.

Сюжеты, изложенные в настоящей статье, не исчерпывают все содержание «изъяснений», но они наиболее интересны для составления общей картины экономической политики государства во второй половине XVIII в., поскольку акцентируют наше внимание на непростых отношениях, которые складывались в этот период между властью и крупнейшими промышленниками империи.

Революция цен, охватившая Россию в XVIII столетии³⁰, конечно же заставляла всех участников экономических отношений приспосабливаться к новым условиям. Если на повседневном уровне ее последствия выражались слабее, то в сфере крупного производства и торговли они ощущались весьма серьезно (одна только потребность в банковско-кредитной системе как обязательным условием нормального развития производства вполне показательна).

Но революция цен оказала самое прямое влияние и на государственный бюджет: его расходная часть стала резко возрастать, а это стимулировало поиск способов к увеличению доходных статей. Вот именно в последнем правительство не было особенно оригинально, прибегая, по сути, к двум отработанным приемам: постоянному повышению ставок прямых и косвенных налогов и спекуляциям на монетной регалии. И то, и другое, принося доходы казне, грозило в перспективе пагубно сказаться на состоянии крупной отечественной промышленности (в частности – металлургии). Уральские заводовладельцы, в силу своего положения, чувствовали эту перспективу и несли вполне реальные убытки в настоящем.

Пытаясь ослабить бремя государственного фиска, они не раз апеллировали к официальным инстанциям, описывая свое положение и пред-

лагая свои способы решения проблем. «Изъяснения» 1763 г. уникальны тем, что представляют собой, возможно, единственную в своем роде консолидированную и целостную экономическую программу ведущих представителей российской горнозаводской промышленности, посвященную анализу ситуации в отрасли и содержащую план поддержания ее работоспособности.

Профессиональная подозрительность к достоверности источника заставляет осторожно относиться к содержанию, а, точнее, к тональности «изъяснений». Возможно, что в описании своих «тягот» заводовладельцы сгущали краски. Но специальное изучение промышленного законодательства той поры¹ и знакомство с текущим делопроизводством заводских контор и органов горного управления приводят к мысли, что картина, изложенная уральскими промышленниками, была недалеко от истины, а их советы – разумны. В своих предложениях они не требовали от государства непосильных уступок. Следуя здравому смыслу и хозяйскому прагматизму, они призывали правительство вернуться к старой протекционистской практике в вопросах налогообложения, обеспечения казенных поставок и земле- и лесоотвода в духе Берг-привилегии и Берг-регламента. Одновременно они предлагали меры, связанные с созданием государственной кредитной системы, способной поддержать отечественное производство и укрепить позиции российского металлоэкспорта на международной арене. К сожалению, их мнение оказалось по большому счету, проигнорировано, даже несмотря на некоторые послабления, вынужденно сделанные казной в последней четверти XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 224.

² Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. (Заводы и заводо-владельцы). М., 1962. С. 521.

³ Среди уральских «изъяснений» еще одно исходило от П. Н. Демидова, но, уместившееся на одном листе, оно, по справедливому замечанию Н. И. Павленко, представляет из себя формальную отписку «изнежившегося барина» (Павленко Н. И. История металлургии... С. 521), которому совершенно чужды заботы, связанные с управлением собственными предприятиями.

⁴ Подсчитано по: Горные и металлургические заводы Урала. XVII – начало XX вв. (Указатель) / Сост. Е. Ю. Рукосуев. Екатеринбург, 1996. В общем числе уральских заводов этого времени (казенных и частновладельческих) не учтены три предприятия, пущенные в действие в 1763 г., т. е. в год подачи «изъяснений».

⁵ В настоящей статье «изъяснение» Н. А. Демидова цитируется по беловому отпуску, сохранившему в ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 110–121; остальные –

по подлинникам, полученным в Берг-коллегии и ныне находящимся в РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1223.

⁶ ПСЗ. Т. 15. № 11642.

⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 116 об.; РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1223. Л. 28 об.

⁸ Там же. Л. 115 об.; л. 28.

⁹ ПСЗ. Т. 14. № 10205.

¹⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 117 об.; РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1223. Л. 30.

¹¹ Там же. Л. 118; см. также, л. 30.

¹² Там же. Л. 118 об. – 119; см. также, л. 30 об. – 31.

¹³ ПСЗ. Т. 14. № 10717.

¹⁴ РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1223. Л. 63 об.

¹⁵ Там же. Л. 64.

¹⁶ Там же. Л. 27 об.

¹⁷ Там же. Л. 64 об., 94 об.

¹⁸ Там же. Л. 64 об.

¹⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 113.

²⁰ Вторая тема, звучащая в «изъяснении» А., П. и Павла Г. Демидовых – проблема лесо- и землеотвода, увязанная ими с жалобами на конкретные притязания на их территории других магнатов – Осокиных. См.: РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1223. Л. 22–24 об.

²¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 111 об. – 112.

²² РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1223. Л. 76 об.

²³ Там же. Л. 32.

²⁴ «А когда помянутые начальники не будут при себе так довольны иметь денег, чтоб за готовое золото, серебро, медь и селитру в месяц заплатить могли, тогда тот промышленник оное волен продать кому похочет» – гласила Берг-привилегия. Что касается черных металлов и минералов, то Берг-привилегия декларировала полную свободу их продажи (см.: ПСЗ. Т. 5. № 3464).

²⁵ РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1223. Л. 78 об. – 79.

²⁶ Там же. Л. 26.

²⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 119–120.

²⁸ РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1223. Л. 75 об. – 76.

²⁹ Там же. Л. 33 об.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Миронов Б.Н.* Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // *История СССР.* 1991. № 1. С. 86–101.

³¹ *Редин Д.А.* Законодательная основа промышленной политики государства во второй половине XVIII в. (на примере уральской частной металлургии) // *Историко-юридические исследования Российского и зарубежных государств.* Екатеринбург, 1998. С. 41–68.